

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А.Орлов, кандидат исторических наук

ПРЕБЫВАНИЕ ЭСКАДРЫ Д.Н.СЕНЯВИНА В АНГЛИИ В 1808–1809 гг.

В октябре 1807 г., после заключения Тильзитского договора, Россия и Англия стали врагами. Англичане сразу же постарались лишить Россию, как прежде и всех других союзников Франции, свободы действий на морях. Для Александра I сложилась очень опасная ситуация: кроме того, что Балтийский флот оказался запертым в своих гаванях, император неизбежно должен был лишиться эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина, с 1805 г. успешно действовавшей против турок и французов в Средиземном море.

Но российско-британская война 1807–1812 гг. не стала такой же ожесточенной и непримиримой, как англо-французская. Россия и Англия были крайне необходимы друг другу и в военно-политическом, и в экономическом отношении, поэтому стороны в течение всего периода разрыва время от времени обменивались жестами дружелюбия, хотя между ними случались и кровопролитные схватки на море. Одним из проявлений такого стремления сохранить возможность возобновления в будущем мира и союза стала история передачи англичанам в Лиссабоне эскадры Сенявина, пребывания ее моряков в Англии в 1808–1809 гг. и их возвращения на родину.

Известие о заключении Тильзитского мира застало Сенявина возле о. Тенедос, где он находился после разгрома турецкого флота у Афон-

ской горы. 12 августа 1807 г.* адмирал получил официальный приказ Александра I немедленно прекратить все враждебные действия против турок¹ и возвращаться в Россию. Поскольку путь через проливы Дарданеллы и Босфор был закрыт, русской эскадре предстояло обогнуть половину Европы, постоянно подвергаясь опасности быть уничтоженной или захваченной в плен англичанами. Однако английские моряки то ли не успели получить приказ о нападении на эскадру Сенявина, то ли сами не желали вступать в сражение с недавним союзником. Так или иначе, во время движения эскадры вдоль балканских и итальянских берегов все обошлось благополучно. Капитаны встречных английских военных кораблей делали вид, что не знают о разрыве отношений между двумя странами или не замечают российские суда². Но Сенявин понимал, что так не будет продолжаться вечно. Возможно, ему бы удалось провести эскадру по Атлантическому океану, однако и там нельзя было избежать столкновений с английским флотом, блокирующим порты Франции, а впереди еще лежал путь вдоль берегов самой Англии и далее – по Северному и Балтийскому морям. Кроме того, его суда находились в таком состоянии, что им необходимо было заходить в порты для ремонта и пополнения запасов³.

В конце концов Сенявин вынужден был остановиться в Лиссабоне – из-за страшной бури 1(13) ноября 1807 г. Здесь эскадра оказалась в еще более затруднительном положении. Дело в том, что португальский принц-регент Жоан со всей королевской семьей в том же месяце покинул столицу и бежал в Бразилию, а страну оккупировали французские войска под командованием генерала Ж.А.Жюно. Англичане же блокировали Лиссабон с моря, не позволяя российской эскадре покинуть город; русские оказались заперты здесь в течение десяти месяцев.

Жюно пытался заставить Сенявина действовать совместно с ним против англичан. Из Петербурга адмиралу приходили приказания «учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посыпаемы вам будут»⁴. Сенявин, оказавшись между двух огней, избрал путь саботирования распоряжений французских властей, объясняя свое бездействие несвоевременным получением приказов из Парижа и Петербурга, слабостью собственных сил, а также опасностью подвергнуться обстрелу со стороны английских судов. Ему трудно было «сопоставлять свое поведение таким образом, чтобы не навлечь никакого подозрения в дружбе к новому союзнику и не сделать чего-либо оскорбительного для англичан, тем более, что с той и другой стороны с величайшей недоверчивостью наблюдаемо было за

* Все даты, кроме специально оговоренных случаев, даются по старому стилю.

каждым шагом его и расставляемы были беспрестанно столь тонкие сети, что нужна была необыкновенная осторожность, беспримерная опытность, чтоб не попасться в них», — так писал журналист и литератор П.П.Свињин, до начала ноября 1807 г. находившийся при адмирале в качестве дипломатического чиновника⁵.

В.Б.Броневский, служивший мичманом на эскадре Сенявина и позднее опубликовавший об этом весьма ценные и интересные записки, свидетельствовал о том, что адмирал смог выйти из трудного положения, завоевав доверие португальцев и благосклонность англичан и тем самым до некоторой степени обезопасив себя. Как ему это удалось? Броневский сообщал о том, что изначально королевская семья и население города были очень обеспокоены прибытием российской эскадры в Лиссабон, подозревая, что русские хотят захватить португальский флот⁶. Но Сенявин при встрече с регентом заверил его в своем стремлении не нарушать нейтралитет Португалии. Вскоре после этого был опубликован манифест правителя, в котором говорилось о том, что, не желая подвергать страну разорению, он отывает со всей семьей в Бразилию⁷.

Отъезд состоялся 17 ноября 1807 г. При выходе из устья Тахо португальский флот встретила блокировавшая Лиссабон с моря английская эскадра под командованием контр-адмирала сэра У.Сиднея Смита. По словам Броневского, за португальскими и английскими кораблями на торговых судах и лодках следовало множество лиссабонцев, умолявших взять их на борт. Но сделать это было невозможно. «Смятение и отчаяние тех, кои должны были возвратиться в руки французов, были неописанны», — вспоминал Броневский⁸. Население Лиссабона пришло в сильное волнение, многие семьи в панике искали спасения на кораблях, стоявших на реке.

При отплытии принца-регента в столице распространился слух (который поддерживали и французы) о том, что принц будет задержан Сенявиним. Когда этого не случилось, недоверие португальцев сменилось благодарностью. В записках Броневского можно прочитать о том, что поведение Сенявина вызвало не только уважение к нему жителей столицы и почтение «благомыслящих французов», но и удивление последователей «наполеоновой философии», предполагавших, что российский адмирал не преминет поживиться богатствами регента. Автор добавлял, что Сенявин заслужил и благосклонность англичан, что впоследствии спасло честь российского флага и жизнь его моряков⁹.

Уважение англичан к адмиралу объяснялось еще и тем, что Сенявин взял под свою защиту британских подданных, по разным причинам не успевших эвакуироваться при приближении французов и оставшихся в городе. Напомним, что по правилам континентальной блокады, введенной Наполеоном в 1806 г., всякий англичанин, оказавшийся в зоне

действия французских властей, подлежал немедленному аресту (в том числе дети), а имущество – конфискации. В Лиссабоне с XVIII в. жило много англичан, в основном купцов. Их положение серьезно осложнилось, когда 29 октября (н.ст.) 1807 г. в Фонтенбло был подписан франко-испанский договор о разделе Португалии*. «Со времени октября месяца, когда политикою Французского и Испанского дворов принц-регент принужден был повелеть запереть все гавани Португальского королевства для Великобританских военных и купеческих кораблей, англичанские конторы (в Португалии. – А.О.) рушились, и удалилось более 300 фамилий лучших, богатейших купцов английских, кои составляли душу столицы», – писал Свинин¹⁰. Но, как говорилось выше, уехать удалось не всем. После того, как войска Жюно 22 ноября (н.ст.) 1807 г. заняли город¹¹, адмирал смог так повлиять на французского главнокомандующего, что тот «поколику строгость предписаний Наполеона ему позволяла, за удовольствие поставлял облегчать участь покровительствуемых Сенявином англичан, с давнего времени в Лиссабоне поселившихся»¹².

В августе 1808 г. французы после поражения у мыса Вимейро и заключения конвенции в Синтре вынуждены были оставить Португалию. Теперь Сенявин остался с англичанами один на один. Они могли бы уничтожить его эскадру, но знали, что российский адмирал не сдастся без борьбы, и не хотели без крайней необходимости раздражать Петербург враждебными действиями. Кроме того, в пользу Сенявина говорили еще два обстоятельства. Во-первых, англичанам было известно, что адмирал всегда уклонялся от совместных действий с французами, и, во-вторых, после ухода Жюно из Лиссабона город юридически вновьозвращался его законному владельцу и становился, таким образом, нейтральным портом. Однако вскоре англичане заняли португальскую столицу с суши и решительно потребовали от Сенявина сдачи им российской эскадры. Адмирал понимал, что даже если ему удастся вырваться из Лиссабона, то добраться до России он не сможет. Тем не менее Сенявин еще раз заявил англичанам, что не собирается сдаваться без боя.

Ситуация была патовая. Сардинский посланник в Петербурге Ж. де Местр, например, считал, что Сенявин «как раз тот человек, который, будучи атакованным, способен совершенно понапрасну дать растереть себя в порошок»¹³. Однако российский генеральный консул в Лиссабоне А.Я.Дубачевский, опытный дипломат¹⁴, посоветовал Сенявину не отклонять возможности подписания с командующим английской эскадрой (сменившей эскадру С.Смита) адмиралом баронетом Ч.Коттоном «самого кратчайшего письменного... постановления», которое бы зафиксировало обязательство британской стороны снабжать российскую эскадру про-

* Принц Жоан объявил о том, что его страна останется нейтральной, но это ему не помогло.

довольствием и деньгами по правилам российского устава. Дело облегчалось тем, что Коттон и подчиненный ему контр-адмирал Тейлор «обещали и дали свое адмиральское слово в том, что Великобританское Правительство без всякого сомнения берет на себя обязанность во все продолжение оного залога нашей эскадры в Лиссабоне ли то, или в Портсмуте довольствовать российских офицеров порционными деньгами и все команды провизиями на основании российского морского устава, или сообразно положению нашей службы, по представляемым на то за скрепою г. Вице-адмирала Сенявина ведомостям». Но Сенявин, по словам Дубачевского, «согласясь сдать командуемую им эскадру Аглинскому Правительству не яко покоренную или побежденную, но единствен-но в залог вскоре восстановляемых старинных и дружественных России с Англиею сношений, и уверен, конечно, будучи о твердости обещания Великобританского адмирала, как о своем собственном, почел излишним всякое письменное о том условие или подробнейшее во 2-й статье конвенции изложение; от чего и испытал разные в бытность свою на Спитгейдской рейде (название рейда г. Портсмута. – A.O.) неприятности и по сему самому предмету; а напоследок получил от приставленного к нему аглинского комиссара Макензи (подчеркнуто в тексте документа. – A.O.) неожиданный им двусмысленный и самый увертливый, по предписанию Великобританского Адмиралтейства, отзыв от 30-го декабря 1808-го [года]»¹⁵.

Нежелание Сенявина и Коттона вступать в сражение с недавним, а возможно, и будущим союзником привело к заключению 23 августа/4 сентября 1808 г. уникального соглашения¹⁶. По его условиям российская эскадра (10 судов, 2 из которых по причине ветхости остались в Лиссабоне) передавалась Англии в качестве залога (статья 1). Эскадра должна была быть возвращена России сразу после восстановления отношений с Англией, а ее личный состав – незамедлительно возвращен на родину (естественно, за счет английского правительства) на английских транспортах (статья 2). В тот же день были подписаны дополнительные пункты конвенции «О неприкасаемости флага Его Императорского Величества».

31 августа (12 сентября) 1808 г. эскадра Сенявина в сопровождении английских кораблей под командованием Тейлора (в русских источниках Тиллер или Теллер. – A.O.) отплыла из Лиссабона и направилась в Портсмут. Во время перехода в Англию Тейлор отдавал Сенявину – в знак уважения и как адмиралу более высокого ранга – старшинство и салютовал ему первый¹⁷. В Портсмут они прибыли 27 сентября 1808 г.¹⁸

Английские власти, опасаясь острой критики, не осмелились опубликовать пункты конвенции о неприкасаемости российского флага и о возврате судов¹⁹. Но когда корабли Сенявина под флагами России –

враждебной Англии державы – прибыли в Портсмут, это вызвало возмущение «от Портсмута до Лондона», по выражению Сенявина. В парламент были поданы петиции о том, что заключение лиссабонской конвенции унижает военно-морскую славу Англии. Лорд-мэр Лондона предложил предать Коттона, как и генералов, заключивших конвенцию в Синтре, суду²⁰. Вскоре Сенявин получил письмо от главы британского Адмиралтейства лорда Малгрейва, в котором говорилось о том, что его страна отказывается признать законность дополнительных пунктов конвенции, так как Коттон не имел полномочий давать оговоренные в них гарантии. Сенявина приглашали приехать в Лондон для личного объяснения, а его капитанам позволялось съехать на берег или жить на своих кораблях до возвращения в Россию²¹.

Сенявин предполагал, что английское правительство ждет лишь его сопротивления в вопросе о дополнительных пунктах, чтобы объявить недействительной всю конвенцию и затем арестовать его корабли и команду. Поэтому он ответил Малгрейву в том смысле, что не мог сомневаться в наличии у Коттона необходимых полномочий на подписание договора. В то же время российский адмирал заявил о том, что он «оставляет на волю Англинского Министерства... дальнейшее исполнение конвенции, благодарит за приглашение приехать в Лондон, почитая уже излишним иметь ныне какое-либо с ним объяснение по сему предмету...»²². Командир портсмутского порта адмирал Монтегю потребовал немедленно спустить российские флаги и высадить весь личный состав эскадры на берег, однако Сенявин произвел спуск флагов только после захода солнца, как полагалось делать официальным порядком. На следующий день флаги не были подняты, и в дальнейшем корабли, оставшиеся пока в распоряжении их команд, стояли без всяких флагов. «Монтегю не осмелился больше настаивать на своем, так как это привело бы к нарушению договора, что для Англии было бы еще более уничтожительно, нежели его заключение», – очень верно отмечал Броневский²³.

Теперь главной задачей Сенявина стала борьба за выполнение англичанами основных условий конвенции: за достойные условия содержания личного состава эскадры, своевременное предоставление больным медицинской помощи и скорейшее отправление россиян домой. Еще в Лиссабоне адмирал узнал о том, что в ноябре 1807 г. были конфискованы зашедшие в Портсмут фрегат «Спешный» и транспорт «Вильгельмина», которые должны были доставить на его эскадру деньги (600 тыс. испанских пистолетов и 140 тыс. голландских червонцев). Их капитаны узнали о разрыве с Англией только после ареста судов и груза²⁴. Как отмечал один из офицеров эскадры – Г.М.Мельников, оказавшийся в числе тех моряков, которые уже в 1808 г. через Триест сумели вернуться домой, – эта потеря была весьма ощутима для российского правительства

и сильно осложнила дальнейшее существование офицеров, лишив их призовых денег. Он писал о том, что «чрез удержание англичанами вышеупомянутой суммы, назначенной от правительства нашего единствено на счет удовольствования всех претензий наших, принуждены мы были без всякого уже с сей стороны удовлетворения оставаться на долгое весьма время...»²⁵. Команды «Спешного» и «Вильгельмины» находились в качестве военнопленных в г. Андовере, в 66 милях от Лондона. Их положение было, конечно, хуже, чем положение подчиненных Сенявина.

Оставшись без материальной помощи со стороны Дубачевского, Сенявин в декабре 1808 г. занял у частного банка «Хэрман и К°», длительное время бывшего контрагентом российского правительства в Англии, 15 тыс. фунтов стерлингов «на выдачу офицерам порционов и на удовлетворение нужд служительских». В январе 1809 г. Александр I согласился возместить эту сумму из государственных средств, однако отказал адмиралу в праве на еще один такой же кредит, указав ему через посредство маркиза И.И.Траверсе на то, что «Его Величество полагает, что до возвращения команды вашей в Россию означенной занятой вами суммы с прочими доставленными вам прежде денежными пособиями, при хозяйственном сбережении, достаточно быть может»²⁶. Однако стоимость жизни в Англии в эпоху континентальной блокады росла стремительными темпами, и поэтому в марте 1809 г. Сенявин решился нарушить приказ императора и позаимствовал у Хэрмана еще 17 тыс. фунтов стерлингов²⁷. Всего же за период с декабря 1808 г. по 28 июля 1809 г. он занял у частных английских банков 32 тыс. фунтов стерлингов, а от британского правительства с конца мая до конца июля 1809 г. получил 16 889 фунтов стерлингов 6 шиллингов 13 пенсов²⁸. Естественно, сам факт и размеры этих займов, хотя и вынужденных, вызвали раздражение в Петербурге.

15 октября 1808 г. из Портсмута эскадра была переведена на стоянку к о. Уайт (Вайт). В конце месяца пушки и паруса со всех судов перевезли на адмиралтейские склады в Портсмуте²⁹. Моряки ожидали, что уже в октябре они будут отправлены на родину, но этого не произошло. Единственный (насколько известно) офицер эскадры, оставивший записи о пребывании в Англии, — мичман П.И.Панафидин, считал, что англичане сознательно задержали их для того, чтобы морально разложить личный состав, переманиТЬ моряков на свою службу и тем ослабить российский флот во время войны со Швецией 1808–1809 гг. за обладание Финляндией. «В начале октября месяца мы могли перебраться на транспорты, и время было не совершенно позднее: можно в месяц дойти до портов и со всеми препятствиями, и не пользуясь всегда попутным ветром. Порты наши на Балтийском море Виндава и Либава покрываются льдом очень поздно, и туда решительно можно было еще успеть

высадить наш отряд... Но явно было намерение, разделяя начальников от команд, произвести в ней беспорядки и сим беспорядком пользоваться, переманив разными обещаниями наших людей на свои корабли. Они укомплектовали бы [свои суда] матросами опытными и знающими свое дело, и бывшими не один раз в сражении. Не успевши в оном, они продлили наше пребывание в Англии под пустыми предлогами, но в сих ничтожных предлогах видна была цель – ослабить нашу морскую силу в Финляндии...» – писал Панафидин³⁰.

Не секрет, что британцы во время войн с Францией вербовали на свой флот иностранных моряков, причем не всегда добровольно. После введения Наполеоном в действие континентальной блокады приток иностранцев на английский флот сократился (позже он вновь возрос за счет бегства моряков с континента в Англию). В этой ситуации военно-морские власти Англии и в самом деле могли бы попытаться разными способами привлечь на свою службу опытных российских моряков.

Но, как сообщал послу в Париже кн. А.Б. Куракину священник российского посольства в Лондоне Я.И. Смирнов, в 1808 г. ни военно-морской, ни торговый флоты Англии не испытывали недостатка в личном составе. По его данным, военно-морские силы страны имели в это время более 1 тыс. судов разных рангов, причем государственные и частные верфи были «наполнены строением военных судов, как больших, так и малых». Торговый флот Англии имел более 20 тыс. судов. Что касается набора матросов, то, по словам Смирнова, «купеческие... суда снабжают королевские флоты служителями во всякое время безо всякой трудности». К тому же «кроме собственных своих матросов, всех наций люди, привыкшие к морской жизни, убегая из отечественных портов, стекаются сюда беспрестанно, аки к тихому пристанищу, будучи уверены получить и работу, и достаточный платеж», – писал он Куракину³¹.

Тем не менее известно, что за время пребывания эскадры Сенявина в Англии на английскую службу перешло 100 российских моряков и солдат: 33 матроса 2-й статьи, 27 рядовых морских полков, 21 юнга, 8 унтер-офицеров морской артиллерии, 5 матросов 1-й статьи и по одному человеку из слуг, барабанщиков, боцманов, квартирмейстеров, баталеров, штурманских учеников 1-го класса³². Из этого списка видно, что к англичанам переходили большей частью квалифицированные специалисты, видимо, привлеченные лучшими условиями службы. Однако 100 из примерно 5,5 тыс. человек, находившихся на эскадре³³, – это 1,8% личного состава.

Таким образом, следует признать мнение Панафидина в целом ошибочным. Единственное, в чем он, на мой взгляд, оказался прав, это в том, что англичане могли задержать отправку моряков эскадры на родину для того, чтобы они не успели принять участие в войне за Финлян-

дию. Известно, что Панафидин в 30-х гг. XIX в. перерабатывал свои записи, готовя их к печати³⁴. Поэтому при чтении его мемуаров возникает двойственное ощущение. Та часть записок, которая осталась неизменной с 1808–1809 гг., свидетельствует о том, что англичане обращались с российскими моряками не как с врагами, а скорее как с друзьями³⁵. Но куски текста, подвергшиеся позднейшей переработке в период очередного обострения российско-британских отношений, наполнены обличениями английского коварства и эгоизма.

Е.В. Тарле писал о том, что «матросам жилось на Портсмутском рейде не только очень тесно, очень нездороно, очень скучно (на берег отпускали редко), но и голодно. Кормили англичане русские экипажи очень плохо, мясо не выдавалось вовсе. Даже сухарей получали треть нормальной порции. Не хватало и риса, которым приходилось восполнять недостаток в сухарях. Очень плохо было и то, что экипажи русской эскадры скрупультно и небрежно снабжались даже питьевой водой»³⁶. Это подтверждает и «Таблица провианту, отпускаемому Адмиралтейством [российским] военнопленным матросам и нижним чинам поденно»³⁷, причем это нормы питания именно военнопленных, а положение сенявинских матросов должно было быть лучше (см. табл.1).

Таблица I

Дни	хлеба фунты	свежей говядины фунты	сельдей и трески фунты	капусты или репы фунты	картофелю фунты	крупы унции	луку унции	соли унции
Воскресение	1½	½		½		1	¼	⅓
Понедельник	1½	½		½		1	¼	⅓
Вторник	1½	½		½		1	¼	⅓
Среда	1½		1		1			
Четверг	1½	½		½		1	¼	⅓
Пятница	1½		1 трески		1			
Суббота	1½	½		½		1	¼	⅓

1 октября 1808 г. к Сенявину явился комиссар британского Адмиралтейства Ч.А. Макензи, назначенный для реализации положений лис-

сабонского договора³⁸. Между ним и адмиралом сразу же возникли разногласия по поводу того, на каких условиях должны были снабжаться продовольствием и деньгами служащие эскадры. Сенявин полагал, что по смыслу лиссабонской конвенции это должно было происходить на основании правил российского военно-морского устава. Макензи же в своем письме к Сенявину от 18(30) декабря 1808 г. писал: «...Британское Правительство берет на себя издержки в продовольствии экипажей российских кораблей от времени заключения конвенции; ...экипажи сии будут довольствоваться провиантом по обыкновению сей службы, но... Британское правительство берёт только на себя такое количество провизии, которое действительно может быть отпускаемо»³⁹.

Сенявин не возражал по поводу этого сообщения, поскольку считал, что выражение «по обыкновению сей службы» (*according to the custom of the Service*) как раз и означает «по правилам службы российской». Английский комиссар и его начальство имели полное право впоследствии указать (что они и сделали) на то, что здесь подразумевалась служба английская. Кроме того, неоспоренные слова о поставках на эскадру только такого количества продовольствия, которое будет в силах выделить британское правительство, закрепили положение, при котором Сенявин фактически потерял право требовать возмещения недостающего, по его мнению, продовольствия или денег. Все это привело к тому, что 2-я статья лиссабонской конвенции трактовалась, как это угодно было Лондону⁴⁰.

В ноябре 1808 г. английский комиссар предложил адмиралу в связи с недостатком на складах Адмиралтейства коровьего масла заменить его поставками сахара и риса. В ответ Сенявин 10(22) ноября отправил ему письмо, в котором заявил, что «сахар по непривычке наших матроз может быть вреден для здоровья их, и предложил с своей стороны вместо того удовлетворить матрозов деньгами по цене, что стоит масло, и что на деньги сии они будут покупать зелень и овощи, к коим они привыкли и которые для них здоровы...»⁴¹. Через месяц, не дождавшись ни масла, ни денег, адмирал писал Макензи о том, что «команды кораблей российских доведены до такой крайности в продовольствии, что принуждены довольствоваться половиною, третьею и даже четвертою долею положенной порции»⁴². В ответ комиссар предлагал выдать вместо масла деньги из расчета $\frac{1}{3}$ части рыночной цены масла (4, максимум 8 пенсов за фунт), так как масло стоило в это время 12 и более пенсов за фунт. Получив категорический отказ, Макензи, по словам адмирала, «сей отзыв принял совсем в другом смысле и заверил правительство свое, будто бы г. Сенявин объявил, что русские матрозы и без сего могут обойтись»⁴³.

Сенявин признавал, что доставление продовольствия на эскадру производилось постоянно⁴⁴, но качество и количество поставленных про-

Райх, 30го Декабря 1808.

Адмиралтейскому Государю,

Лорд Каннингхему Адмиралтейства предуписано,
что никакого чугра требование всеми Превосходи-
тельствами в Ставрополе на время плавания от 20го
Сентября до 1го Октября на всеми линиях от 20го
Сентября до 1го Октября на корабль второго ранга
всеми Превосходительствами.

Но так как требование изъясняет всеми Превосходи-
тельствами, что Британское правительство берет на себя
затраты от продовольствия "Императорской" Российской
Корабельной Ставрополе здешнего Конвоя; то и
мы сие будем добровольно производить по от-
ношению к Службе, но это британское правительство
берет ответственность за все расходы на здешнем
Продовольствии, а также здешнем Конвое.

Наше сие слово от Ответственного
адмиралтейства

Адмиралтейскому Государю,

Бывший Адмиралтейский Судья

Ч. А. Макензи

До. Превосходительству
всем Адмиралтействам. Славянку.

Письмо Ч.А.Макензи вице-адмиралу Д.Н.Сенявину
от 30 декабря 1808 г. Пер. на рус. яз. АВПРИ

дуктов, а также сроки поставок не соответствовали его представлениям об обязательствах британского правительства. Поэтому он вынужден был нарушить данное слово не общаться напрямую с английскими министрами. 13(25) февраля 1809 г. адмирал написал лорду Малгрейву о том, что «продовольствие людей на российских кораблях чрезвычайно худо выполняется Английским Правительством; что с начала прибытия в Англию масла совсем не получали, некоторые провизии не приняты за ху-

дым качеством, которые не могли служить в пищу даже и скотине, а другие хотя и посредственные, но доставлялись с такою медленностью, что принуждены были уменьшать порцию, и что матроны вместо сухарей едят сарабинское пшено (рис. – А.О.)»⁴⁵.

Лорды Адмиралтейства приказали адмиралу Кортесу рассмотреть претензии Сенявина и принять меры к устраниению недостатков. Во время допроса Макензи и подчиненный ему провиантмейстер Рикс заявили, что, за исключением неполных поставок дефицитного коровьего масла, выполняли свои обязанности в точном соответствии с условиями лиссабонской конвенции. Естественно, Сенявин был недоволен результатами расследования Кортеса, считая, что оно было проведено формально «из опасения, чтобы чрез розыскание не открылось во всей ясности медлительное и недостаточное продовольствие» эскадры⁴⁶. Однако адмирал не стал настаивать на продолжении следствия, так как «после сего происшествия начали доставлять провизии на эскадру доброго качества»⁴⁷. Он ожидал, что недостающее продовольствие будет прислано в самом скором времени. Но ожидания не оправдались, и адмирал вновь вынужден был писать Макензи об этом (4 и 5 июня 1809 г.). Вскоре началась подготовка к отправлению моряков эскадры в Россию. Однако из-за нескольких отсрочек Сенявин не мог точно рассчитать, сколько же продовольствия не было поставлено его людям.

Тем не менее через год после прибытия в Россию он вместе с другими документами представил в Государственный совет ведомость о недоставках с указанием рыночных цен, которые существовали тогда в Англии⁴⁸. Государственный совет 29 ноября 1810 г. принял решение: «...удовлетворение команде за неполученные провизии во время пребывания эскадры в Англии оставить до заключения мира с сею державою»⁴⁹. Хотя мир с Англией был заключен 6(18) июля 1812 г., вплоть до окончания наполеоновских войн Россия не предъявляла никаких претензий по этому делу. Только в 1817 г. было возбуждено дело о возмещении сенявинским морякам убытков.

Что касается жизни в Англии офицеров эскадры, то англичане платили ежемесячно командиру корабля в ранге капитан-лейтенанта 6 фунтов стерлингов, капитан-лейтенанту – 5, лейтенанту – 4, констапелю – 3 фунта 10 шиллингов, подпоручику – 3 фунта, мичманам, штурманам, врачам и другим чиновникам офицерского ранга – 2 фунта 10 шиллингов. Кроме того, всем офицерам выдавали 1 шиллинг 6 пенсов в день на оплату питания и квартиры: мичманы получали на эти цели 1 шиллинг в день⁵⁰. Питались они сравнительно неплохо, так как, живя на кораблях, экономили квартирные деньги, у них оставались собственные средства, и к тому же Смирнов иногда передавал им суммы, собранные сочувствующими россиянами британцами по подписке.

Президентом импровизированного «Комитета помощи» был выбран выходец из России, банкир и меценат Дж.Дж.Ангерстайн, тесть генерал-майора Н.А.Саблукова⁵¹, кассиром – Ч.Грант, членами комитета – бывший личный врач Екатерины II барон Т.Димсдейл (Димсдаль), Смирнов, инженер-полковник Л.С.Ваксель и другие⁵². Офицеры организовывали «складчину» и могли позволить себе время от времени не только обедать «довольно роскошно» в трактирах Ньюпорта⁵³, но и устраивать праздничные застолья и помогать своим товарищам из числа команд «Спешшого» и «Вильгельмины»⁵⁴.

Командный состав эскадры пользовался почти полной свободой перемещения по острову и относительной свободой при поездках в Портсмут. «Один остров Вайт, называемый садом Англии, был для нас свободен», – писал Панафидин. «В Портсмуте, кому необходимо надобно было ехать по службе, должен быть в полном мундире и известен начальнику города, что для нас было неприятно, и мы все предпочли остров Вайт», – добавлял он⁵⁵. Видимо, российские офицеры опасались подвергнуть себя в свой мундир оскорблению со стороны толпы, которая в годы войны с Францией выражала свой патриотический пыл тем, что забрасывала подозрительных иностранцев камнями и грязью.

Во время вынужденного пребывания в Англии поездки россиян в Лондон и другие города, кроме Портсмута, были запрещены, даже по делам эскадры. Сенявин писал Смирнову 29 октября(10 ноября) 1808 г. о том, что решался просить английские власти о позволении дипломатическому новнику Ф.Ф.Зассу, сменившему Свињина, отправиться в Россию с делами на имя Александра I. Адмирал опасался, что получит отказ, как это случилось, когда он просил позволить Зассу посетить Лондон. «...Правление Английское, конечно, знает надобность мою в таковом отправлении в Россию. – А.О.) и есть ли бы желало сколько-нибудь приветствовать тем способием, то давно бы не оставило намекнуть мне», – добавлял он⁵⁶.

Впрочем, вскоре такое позволение было получено. Засс уехал из Портсмута 9 декабря 1808 г., а 19 марта 1809 г. вернулся обратно, доставив Сенявину инструкции российского правительства⁵⁷. Можно предположить, что лондонские политики дали такое разрешение, надеясь, что Александр I с удовлетворением узнает об их лояльном отношении к его подданным. Есть основания считать, что Засс, кроме корреспонденции по делам эскадры, доставил в Петербург письма Смирнова, содержащие важную информацию о внутреннем положении Англии и о планах английского правительства в отношении Франции и России.

Конечно, жизнь сенявинских офицеров в Англии была скучной и однообразной. Особенно тяжело приходилось зимой. За время долгого плавания обмундирование обветшало, а заказать новое было негде. Кроме того, у них почти совсем не было теплой зимней одежды. Е.В.Тар-

ле не преувеличивал, когда писал о страданиях моряков во время влажной и промозглой английской зимы. Это подтверждал и Панафидин: «Зимовать на корабле в таком климате... было очень неприятно: по ночам недостаточно было шинели, а теплого платья ни у кого не было»⁵⁸. Осенью 1808 г. в Портсмут прибыл Соренсен, доставивший по просьбе Смирнова письмо адмиралу, а морякам эскадры – русские газеты. Портной, по словам Сенявина, «во все время пребывания на ескадре был занят во всем пространстве своего искусства»⁵⁹.

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, офицеры устраивали театральные представления и концерты. При этом главная трудность заключалась в том, что некому было исполнять женские роли. «У нас на фрегате (фрегат «Рафаил», на котором Панафидин служил. – А.О.) были англичанки, жены некоторых офицеров, но [они] почти не умели говорить по-русски. Гардемарин барон [К.Н.] Левендалль, по молодости своих лет и по хорошенькому лицу, представлял женские роли – и так удачно, что многие, не знавшие [его], спрашивали: «Кто эта дама?» <...> Так проводили мы зимнее время и с наступлением весны надеялись увидеть благословенное Отчество», – писал Панафидин⁶⁰.

Действительно, в апреле 1809 г. моряков известили о том, что их отправят на родину сразу после того, как английские чиновники закончат опись и приемку кораблей эскадры. 20 апреля эта работа началась, и в течение нескольких следующих недель все корабли были сданы английскому правительству⁶¹. В начале мая 1809 г. русских моряков начали размещать на транспортных судах, но неожиданно погрузку остановили, а все транспорты отобрали для организации экспедиции по захвату Антверпена.

Однако англичанам пришлось бесславно вернуться домой⁶². Панафидин отметил в одном из своих писем: «Ничего глупее не делали англичане, как сию экспедицию. Собрано было 20 линейных кораблей; на них и на сотни купеческих судов посадили 40 000 войска, чтобы овладеть болотным городом Флиссингеном и тем сделать диверсию в пользу австрийцев. Англичане взяли Флиссинген, потом открылись в войсках повальные болезни, и его опять оставили французам, и тем дело и кончилось. Если это правда, то англичане не метили на антверпенский флот, то смешнее этого предприятия едва ли кто-нибудь делал. Они, вероятно, издержали миллион, переморили без всякой пользы войска и показали глупым австрийцам, что они с 40 000-ым корпусом произвели диверсию без всякого облегчения Австрии»⁶³.

Ситуация с посадкой на транспортные суда и с отменой этой операции из-за того, что транспорты вновь понадобились британскому Адмиралтейству для своих целей, повторилась в июне 1809 г.⁶⁴ Только 4(16) августа 1809 г. российские моряки смогли, наконец, из Портсмута отправиться домой⁶⁵. Вместе с ними англичане отпустили из плена 15 че-

заск из экипажей фрегата «Спешный» и транспорта «Вильгельмис», в том числе и большого командира «Спешного» капитан-лейтенант Н.Г.Ховрина⁶⁶. Все они, в отличие от моряков эскадры Сенявина, дали обязательство не участвовать в боевых действиях против Англии в течение определенного времени.

Панафидин писал о том, что плавание было опасным, а условия перевозки – довольно спартанскими, «...но так нам надоело пребывание в Англии, что мы еще хуже бы имели для себя покой, то и тогда были бы довольны»⁶⁷. Суда прибыли в Ригу 12 сентября 1809 г.⁶⁸ Моряки были рады увидеть родной берег, но здесь их ожидал неласковый прием. «Первую ночь в своем любезном отечестве... провели под проливным дождем, на улицах: трактиры получили на другой день; офицеры ночевали в трактирах. Таможня запретила иметь англичанских вещи, лишнее же – продавать, как товар, запрещенный ввозить по войне, существующей между Англией и Россией. У нас, кроме собственной особы, чисто русской, – все было заграниценное», – сообщал мемуарист⁶⁹. Только вмешательство генерала П.П.Коновникона (командира 3-й пехотной дивизии, охранявшей балтийское побережье от Полангена до Гапсала для пресечения контрабандной торговли) помогло морякам избавиться от придирок таможенных чиновников.

После возвращения домой адмирал Сенявин не забыл о российских военнопленных, оставшихся на британской земле. Дороговизна жизни в Англии все увеличивалась, и денег, которые получали пленные офицеры, матросы и солдаты, вскоре стало не хватать⁷⁰. Поэтому сразу после возвращения на родину Сенявин известил морского министра России адмирала маркиза И.И. де Траверсе о том, что необходимо увеличить сумму, которую платит офицерам британское правительство (чуть больше 4-х фунтов стерлингов), хотя бы до 10 фунтов в месяц. Траверсе доложил об этом Александру I, и император приказал выплачивать всем пленным офицерам по 6 фунтов в месяц сверх получаемых ими денег от англичан⁷¹. Но от момента появления на свет приказа императора до его реализации прошло еще немало времени. Министр иностранных дел государственный канцлер граф Н.П.Румянцев запросил Траверсе о том, сколько пленных офицеров и кто именно находится в Англии. Кроме того, он спрашивал: «...не нужно ли будет распространить таковую Высочайшую милость и на нижних чинов, в Англии задержанных, и ежели это последует Всемилостивейшее соизволение, то на каком основании сколько таковых нижних чинов наших в Англии находится?»⁷².

Через три дня Траверсе отправил канцлеру список военнопленных офицеров и чиновников офицерского ранга, в котором было 17 человек⁷³. Что же касается нижних чинов, то здесь он полагал, что «они, как известно, получают достаточное содержание от Английского Правительства»⁷⁴. Румянцев на основании имеющихся у него сведений составил

«Записку о пленных наших в Англии». Из нее явствует, что российское правительство собиралось не только увеличить содержание военнопленных офицеров, но и возвратить комитету Ангерстайна ту сумму, которая была собрана среди британцев по подписке. Но, проконсультировавшись с Вакслем, канцлер убедился в том, что «для членов оного [комитета] было бы прискорбно, естьли б предложили им возвратить ту сумму, которая собрана была; но что они приняли б с чувствительностию, естьли бы, в знак Высочайшего благоволения, президент оного комитета г. Ангерштайн был удостоен орденом Святая Анны 2-го класса, а прочим членам были доставлены какие-нибудь подарки»⁷⁵. В ноябре 1809 г. на имя банкира Ангерстайна был переведен вексель на 1 122 фунта стерлингов, что составляло содержание 17 офицеров за 11 месяцев (с 1 июня 1809 г. по 1 мая 1810 г.)⁷⁶.

Однако к концу 1810 г. материальное положение российских военнопленных офицеров в Англии снова стало отчаянным. И здесь на помощь им опять пришел Ангерстайн. Смирнов сообщал Румянцеву о том, что денег для пленных не осталось совсем, и уже накопился долг в 5 фунтов. «Не укроется, конечно, и то от замечания вашего сиятельства, — писал священник, — что г. Ангерстайн не токмо хранил у себя деньги и доставлял господам офицерам, но даже и обыкновенные проценты заплатил за все то время, которое у него деньги хранились, состоящие из 44 фунтов стерлингов 5 шиллингов и 4 пенсов. Да сверх того еще сей человек юбивый и благородной человек, чтобы не довесть до крайности гг. наших офицеров, обещает заемообразно продолжать им на содержание половинную выдачу денег, то есть по три фунта стерлинга на месяц каждому до получения дальних приказаний от вашего сиятельства»⁷⁷.

В самой Англии в это время свирепствовал экономический кризис, вызванный континентальной блокадой, и британское правительство стремилось максимально сократить свои непроизводительные расходы. Во многом поэтому в начале 1811 г. было принято решение освободить всех российских военнопленных. Но перед отправкой на родину им снизили содержание почти наполовину⁷⁸, и если бы не помочь Ангерстайна, они бы просто умерли от голода. Освобождение состоялось в июне 1811 г. Смирнов сообщал Траверсе о том, что 11 июня (н.ст.) англичане освободили всех без исключения военнопленных офицеров, нижних чинов, а также гражданских чиновников и матросов купеческих кораблей (всего 368 человек). При отправлении в Россию офицеры получили от Ангерстайна деньги вперед за июнь и июль месяцы 1811 г.⁷⁹

Анализ сохранившихся материалов показал, что, не оговорив с Коттоном точных сроков возвращения российских моряков на родину, Сенивин потерял право требовать этого от британских властей. С другой стороны, они получили все формальные основания для удержания личного состава эскадры в Англии на сколь угодно долгий срок. Определя-

ющим критерием при этом для британской стороны было стремление не допустить участия сенявинских моряков в войне со Швецией 1808–1809 гг., а также нежелание (вполне понятное) усилить флот враждебной державы во время англо-русской войны 1807–1812 гг., когда основные столкновения противников происходили на море. Серьезных оснований выдвигать еще какие-либо претензии к британскому правительству, как это делали ранее российские мемуаристы, публицисты и исследователи, не имеется. Тем более что архивные документы подтверждают: никаких систематических, вошедших в правило попыток персманить россиян на свою службу либо морить их голодом англичане не предпринимали и не планировали. Обеспечение продовольствием и деньгами личного состава эскадры Сенявина в целом было сносным. Российским военнопленным в Англии жилось, конечно, хуже, но следует отметить, что серьезные перебои в снабжении их всем необходимым начались только тогда, когда на экономике Англии сталоказываться негативное влияние континентальной блокады. Но и в этом случае помочь пришла частная благотворительность состоятельных британцев, особенно тех, кто в той или иной степени был знаком с Россией, несмотря ни на что, сохранил симпатии к русским.

В заключение следует отметить, что и вице-адмирал Сенявин, и адмирал Коттон пострадали из-за подписания лиссабонского соглашения. Сенявин, как известно, заслужил немилость Александра I за слишком самостоятельные действия и прямое нарушение императорских приказов. Коттон вообще попал под суд и лишился должности. Но в их действиях, безусловно, проявилось обоюдное желание определенных кругов в России и Англии не превращать политический разрыв двух стран в кровопролитную войну. В конце концов, объективные обстоятельства логика развития англо-французской борьбы заставили Петербург и Лондон пойти навстречу друг другу. Но сохранение кораблей эскадры и, самое главное, спасение людей – это, безусловно, заслуга Сенявина и Дубельтского. Впоследствии англичане в точности выполнили те условия лиссабонской конвенции, которые они согласились признать. Правда, из всех переданных им в залог судов к 1812 г. на плаву остались только два корабля. Тем не менее после восстановления отношений двух стран в начале 1812 г. российские власти получили обратно всю сохранившуюся материальную часть эскадры, а за корабли, пришедшие в негодность, англичане выплатили их полную стоимость.

¹ Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807) // Избранные произведения академика Е.В. Тарле. Т. IV. Ростов-на-Дону, 1994. С. 370.

² Местр Ж. де. Петербургские письма 1803–1817. СПб., 1995. С. 91.

³ Подробное описание повреждений всех судов эскадры Сенявина, составленное 31 октября 1807 г., см.: Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. II. СПб., 1818. С. 258–260 (далее – Воспоминания Свиньина).

⁴ Цит. по: Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина... С.377.

⁵ Прибавление к воспоминаниям на флоте, Павла Свињина. Ч.III. СПб., 1819. С.57 (далее – Прибавление... Свињина).

⁶ [Броневский В.Б.] Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, от 1805 по 1810 год. Ч.IV. СПб., 1837. С.266.

⁷ Текст манифеста см.: Там же. С.267.

⁸ Там же. С.269.

⁹ Там же. С.270.

¹⁰ Воспоминания Свињина. Ч.II. С.264.

¹¹ Свињин сообщает о том, что это произошло в день отъезда принца-регента в Бразилию, т.е. 17 ноября (н.ст.) 1807 г. См.: Прибавление... Свињина. С.56. Разнобой в датах встречается в записках мемуаристов постоянно, т.к. никто из них, кроме П.И.Панафида, не был очевидцем этих событий.

¹² [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.272.

¹³ Местр Ж. де. Петербургские письма... С.91.

¹⁴ Дубачевский оказывал Сенявину не только дипломатическую, но и финансовую поддержку. В 1822 г. первый сообщал в Петербург о том, что адмирал «в бытность в Лиссабоне эскадры, ему вверенной, ни от кого другого, опричь российского генерального консула, не заимствовал в пользу оной ни малейших сумм денег наличными, ниже каких-либо пособий к продовольствию своих команд или на другия какия-либо по эскадре надобности». См.: АВПРИ. Ф.1. II-20 (1821 г.). Д.4. Л.7 об. - 8.

¹⁵ Там же. Ф.1. II-5 (1818 г.). Д. 31. Л.41 об. - 42.

¹⁶ Об этом подробнее см.: Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина... С. 389-401. Текст конвенции и дополнительных пунктов к ней см.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. XI. СПб., 1895. С.152-154.

¹⁷ [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.295. Е.В.Тарле также указывает на этот эпизод как на проявление нетипичного для англичан уважения к иностранному адмиралу, да к тому же представителю формально враждебной державы. Но из его слов можно сделать неверный вывод о том, что старший по чину адмирал Коттон лично сопровождал в Портсмут эскадру Сенявина, отдавая почести младшему по чину российскому вице-адмиралу. «...Желая выразить свое почтение к русскому флотоводцу, Коттон заявил, что так как Сенявин выше его чином, то “соединенная эскадра” (англо-русская) идет под верховным командованием Сенявина», – писал он. См.: Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина... С.395.

¹⁸ Свињин указывает, что это произошло 25 сентября. См.: Прибавление... Свињина. С.71.

¹⁹ [Броневский В.Б.]. Записки морского офицера... С.295.

²⁰ Там же. С.287-291. Оправдательную речь адмирала со ссылками на то, что «Россия и Англия... не могут и не должны быть соперницами» см.: Там же. С. 291-294. В конце концов Коттон был оправдан, но позже все-таки отставлен от командования эскадрой. Лорды Адмиралтейства сделали ему замечание о том, что он не должен был подписывать дополнительные пункты конвенции. См.: Там же. С.294.

²¹ Текст письма см.: Там же. С.296.

²² Цит. по: Прибавление... Свињина. С.73.

²³ [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.298.

²⁴ Калистов Н.Д. Флот в царствование императора Александра I // История русской армии и флота. Т.9. М., 1913. С.143.

²⁵ Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания в Средиземном море с эскадрою под начальством вице-адмирала Сенявина состоявшую. Ч.III. СПб., 1873. С.685. Призовые деньги были выданы морякам эскадры только в 1820 г. См.: Там же. С.705-708.

²⁶ АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.22-22 об.

²⁷ Там же. Ф.1. II-20 (1821 г.). Д.4. Л.2.

²⁸ Там же. Л.2-2 об. Долги россиян банку Хэрмана были полностью уплачены в 1817 г. См.: Там же. Л.6. Эти сведения противоречат тому, что сообщил В.Б.Броневский, который писал об использовании Сенявином на нужды эскадры имевшейся у него суммы призовых денег. Автор добавил, что адмирал мог бы получить деньги у местных банкиров, но не сделал этого во избежание платежа процентов, на чем сэкономил казне до 250 тыс. червонцев. См.: [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.275-276.

²⁹ Мельников Г.М. Дневные морские записки... С. 684.

³⁰ Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806-1809 гг.). Пг., 1916. С.95.

³¹ АВПРИ. Ф.133. Оп.468. Т.3. Д.9022. Л.52 об. О Я.И.Смирнове подр. см.: Орлов А.А. Русский священник-дипломат в Лондоне // ВИ. 2003. № 7. С.125-132.

³² Российский государственный архив Военно-морского флота (далее - РГА ВМФ). Ф.203. Оп.1. Д.331. Л.3-4 об.

³³ В мемуарах и в документах указывается разное количество находившихся на эскадре военнослужащих. Панафидин по примерным подсчетам писал о 4 450 чел., Броневский и Свинын указывают, что на момент заключения лиссабонской конвенции на эскадре было 5 685 чел. См.: Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.99; [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.286; Прибавление... Свинына. С.71. По данным инженер-полковника Л.С.Вакселя, на 14 августа 1809 г. личный состав эскадры насчитывал 5 366 чел., хотя при проверке его данных получается только 5 274 чел. См.: АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Л.2. Л.28.

³⁴ Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.5.

³⁵ См., напр.: Там же. С.101, 111.

³⁶ Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина.... С.399-400.

³⁷ АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.2.

³⁸ [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.300. Свинын писал о том, что это произошло 3 октября и добавил, что Макензи выполнял роль посредника между Сенявином и британским правительством. См.: Прибавление... Свинына. С.74.

³⁹ АВПРИ. Ф.1. II-5 (1818 г.). Д.31. Л.37. Английскую копию письма см.: Там же. Л.36.

⁴⁰ Там же. Л.42 об. - 44.

⁴¹ Там же. Л.29 об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л.30.

⁴⁴ Об этом же свидетельствуют Панафидин и Броневский. См.: Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.99; [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.300. У Панафидина читаем о том, что «содержание [наших] людей составляет [для англичан] значительный счет; порция матросская стоит теперь 4½ фунта стерлингов, что составляет по курсу 108 рублей». Надо сказать, что это была значительная сумма для нижних чинов российской армии, т.к. их содержание в начале XIX в. было весьма скучным: Даже к концу правления императора Николая I годовые оклады рядовых составляли: в армии - 2 руб. 70 коп. сер., в гвардии - 4 руб. 50 коп. плюс 90 коп. на именины. См.: Из записок Севастопольца // РА. 1867. №12. Стлб. 1587.

⁴⁵ АВПРИ. Ф.1. II-5 (1818 г.). Д.31. Л.30-30 об.

⁴⁶ Там же. Л.30 об.

⁴⁷ Там же. Л.30 об. - 31.

⁴⁸ Там же. Л.31. В «Выписке из представления Адмиралтейств-Коллегии...» приводятся эти цены, сообщенные Сенявину в письме Макензи от 9/21 декабря 1808 г. Так, галлон рома стоил 28 шил., галлон вина - 20 шил., уксуса - от 2 до 3 шил. Фунт риса или крупы стоил 4 пенса, бушель гороха - 18 шил., свежая говядина (112 фунтов) - от 54 до 60 шил., саленая говядина (за фунт) - 6 пенсов, коровье масло (112 фунтов) - от 112 до 116 шил., супари (112 фунтов) - 28 шил., бушель соли - 18 шил. См.: Там же. Л.31 об.

⁴⁹ Там же. Л.6 об.

⁵⁰ Там же. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.2 об. - 3.

⁵¹ В 1803 г. Саблуков женился на его дочери Юлианне (Юлии). Возможно, именно резкие повороты служебной карьеры и личной судьбы Саблукова объясняют сложное отно-

шение Александра I к тестю генерала. Об этом см.: Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С.43–44.

⁵² Счета «Комитета помощи» за период с конца 1807 по начало 1809 г. см.: АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.4, 8, 9–9 об; Там же. Ф.1. II-11 (1808 г.). Д.33. Л.3–4.

⁵³ Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.106.

⁵⁴ Там же. С.97.

⁵⁵ Там же. С.96. Подробнее о посещениях о. Уайт российскими офицерами см.: Там же. С.103–105.

⁵⁶ АВПРИ. Ф.184. Оп.520. Т.1. Д.2 (15736). Л.76.

⁵⁷ Мельников Г.М. Дневные морские записки... С.684.

⁵⁸ Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.100.

⁵⁹ АВПРИ. Ф.184. Оп.520. Т.1. Д.2 (15736). Л.76 об.

⁶⁰ Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.103. О поощрении Сенявинным театральных представлений на эскадре в Португалии и в Англии см.: Прибавление... Свинин. С.82. Прим. 1.

⁶¹ Мельников Г.М. Дневные морские записки... С.684–685.

⁶² Об английской экспедиции на о. Вальхерен подр. см.: Сорель А. Европа и Французская революция. Т.7. СПб., 1908. С.310–312, 314–315, 317, 321.

⁶³ Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.106–107.

⁶⁴ [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.310–311; Мельников Г.М. Дневные морские записки... С.690.

⁶⁵ АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.36 об. – 37.

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф.203. Оп.1. Д.331. Л.2–2 об. Среди этих 15 человек иеромонах Феодосий по приказу Сенявина был оставлен в Англии «для исполнения треб по долгому християнскому». Об этом см.: АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.12. В дальнейшем отец Феодосий находился на корабле «Протей» (*Prothee*), на котором содержались пленные российские матросы и солдаты. См.: Там же. Л.29–29 об.

⁶⁷ Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.108.

⁶⁸ Мельников пишет о том, что суда прибыли на рейд Риги 8 сентября, а 10 сентября все моряки эскадры были перевезены в город, откуда большая их часть отправилась по суше в Кронштадт, а остальные – в Ревель. Броневский называет днем прибытия в Ригу 9 сентября, а Свинин пишет даже о 18 сентября. См.: Мельников Г.М. Дневные морские записки... С.693; [Броневский В.Б.] Записки морского офицера... С.311; Прибавление... Свинин. С.76. Я указываю дату прибытия моряков Сенявина в Россию со слов очевидца. См.: Панафидин П.И. Письма морского офицера... С.110.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ С.Р.Воронцов писал Смирнову о том, что он постоянно получает просьбы о помощи от российских военнопленных офицеров, которым британское правительство выдает «малую сумму», способную обеспечить им только «дневное и прескучное пропитание». См.: АВПРИ. Ф.1. II-15 (1809 г.). Д.2. Л.34.

⁷¹ Там же. Л.13–13 об.

⁷² Там же. Л.14–14 об.

⁷³ Там же. Л.15, 16. Списка в деле нет. Но, судя по списку Алопеуса, составленному в январе 1808 г., в Англии в плену находились 23 офицера и чиновника офицерского ранга. Даже если учесть, что капитан-лейтенанты Ховрин и Пильгарт, а также иеромонах отец Феодосий были освобождены из плена в конце 1808 г., то остается 20 человек.

⁷⁴ Там же. Л.15.

⁷⁵ Там же. Л.16 об – 17.

⁷⁶ Там же. Л.23 об., 52–53.

⁷⁷ Там же. Л.83–83 об.

⁷⁸ Там же. Л.90–90 об.

⁷⁹ Там же. Л.100.